

Николай ИСМУКОВ

МЕТАЛЛ МИТТЫ

Величайшая скромность, присущая только великим, терпимость, закристаллизованная в стойкость, человечность, честность. Эти слова нашли свой содержательный смысл в одной категории – *митталӓх*. Как не хватает её нам порою!

Назовёшь его имя и сразу всплывает перед глазами трагическая судьба поэта и приходит на ум отчеканенный внутренней эвритмией, а потому адекватно не переводимый ни на какие другие языки, его стих:

Хёнпе хёрсе туптанӓ сассӓм

Каллех яп хурӓ пек таса!

Звенящие сталью последней пробы стихи мог написать только человек с кристально чистой душой. Вынесшее страшную клевету и груз «десятилетнего лесоповала и пятилетнего камнетёса» сердце поэта не одеревенело и не стало каменным: он жил ежедневной надеждой победы исторической правды и сохранил себя абсолютно-чистым и честным. «Бедный, но здоровый (во всех отношениях) возвращаюсь домой. Турра шёкёр!» – писал В. Митта к своему другу А. Талвиру в 1954 году из холодной Сибири.

Говорить о большом поэте значит говорить о его эпохе. Немало одарённых «врагов народа» было в то время, прошагавших по тернистым тропам В. Митты. Многие из них были уничтожены в советских концлагерях по праву «без права на переписку». Чтобы не была напрасной наша жизнь, надо сделать много-много добра и не бояться сказать правду до конца. В истории должны остаться не только имена невинно пострадавших, но и предателей и палачей. Тогда, может быть, больше не вернётся тамерланом 37-й год.....

Настоящая поэзия – это сплав чувственного начала и рационального. Чего должно быть в ней больше? И того и другого. Стихи В. Митты, написанные на пределе натянутой струны и «острия бритвы» (У.Оккам), не оставляют нас безучастными к трагическим моментам бытия, они, вскрывая наши раны, лечат их, как копьё Ахиллеса рану воина.

Нужно признаться: как и у любого поэта, не все творения В. Митты пребывают на пике Парнаса, но некоторые из них, в особенности отрывки неоконченной поэмы «Таэр», намного превосходят стихи иных знаменитостей. Целые поколения поэтов учились у него мастерству проникновенности и искренности стиха. Кое-кому это удавалось. И ещё. Славу поэту создают его поклонники. Может быть, иногда даже с избытком, так сказать, за пережитое. Но нуждается ли в этом В. Митта? Превозносить или недооценить его невозможно, ибо он занимает то место в созвездии поэтов, которое он заслуживает. Когда читаешь его переписку с друзьями и дневник, который он активно (к чему бы это?...) вёл в последние годы жизни, оторопь берёт: оказывается, мало что изменилось в окружении его завистников. Они время от времени сыпали соль на незаживающую рану. В какой-то степени в гибели поэта есть их «заслуга». Татарский поэт Шараф Мударрисов в письме к Н.К. Еремеевой-Митта (письмо от 04.07.1957г. хранится в моём архиве) пишет: «Между нами. Я просмотрел все подшивки чувашских газет. И вот я встретил в газете «Коммунизм ялавё» статью Долгова (06.06.1957г.). Не эта ли статья явилась толчком? А в статье есть некоторые **политические** (подчёркнуто Ш. Мударрисовым. - Н.И.) обвинения. Тем более она написана именно таким человеком».

Однако бессильная перед поэзией, но всесильная перед судьбой каждого из нас литературная власть до сих пор равнодушна к Василию Егоровичу. 160-летие И.Я. Яковлева и 100-летие «Нарспи», бесспорно, события. Юбилейные даты

Я. Ухсая, П. Хузангая отмечали в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. А 100-летие В. Митты? Пассивность трёх Союзов писателей как и чем объяснить? Праздники и трагедии всегда объединяли людей. Вот и нужно было направить в одно русло творческую деятельность Союзов писателей, возглавляемых Х. Агивером, М. Юхмой, В. Тургаем. Проведение юбилея В. Митты на официальном, правительственном уровне способствовали бы объединению здоровых сил творческой интеллигенции.

В. Митта жил в гуще эпохальных перемен и потому кругозор его был достаточно широк, чтобы объективно оценить всё происходящее в стране. Как он грамотно разбирался в национальном вопросе! Прекрасно понимая роль и величие русской культуры, он смело, безоглядно, открыто отстаивал свой родной язык. Одного только он не учёл – опасность двуликой власти и завистливость на грани самоедства.

... Василия Егоровича я видел всего-то два раза: однажды – у нас дома, другой раз – в гробу.

Тогда он только-только вернулся из Сибири. О чём-то говорили с моей матерью. О прошлом, пережитом? Помню лишь тихий однотонный разговор и нерадостные лица. Уходя «на дорожку», он залпом выпил стакан пива. Тогда я, мальчик лет двенадцати, не знал и знать не мог, что его одна слеза была намного тяжелее моего бесхлебного советского детства и ожидающих меня впереди горестей. Вот у кого надо учиться терпению и стойкости невзгодам!

Род Митты был литературно талантливым. Илья, Васyleй, Петр, Иван, Якку, Коля – все они не допели свои песни. Кто погиб на войне, кто в «родных» лагерях. Самый трагический род в чувашской литературе.

От кого, от чего всё это зависело? Судьба, рок или случайность? Но не случайно же оказались на их пути Сахьяновы, Черновы, Сидоровы и К⁰.

В последние годы появилось очень много стихотворцев, членов Союзов писателей. Но лишних поэтов нет, они как цветы на лугу, каждый по-своему неповторим и каждый на своём месте. На разных уровнях мастерства они слагают свои песни. И во времена Митты было также. Однако Время, независимое от кумиров-популистов и властей, расставит всех по своим местам. Вот и В. Митта занял своё место в одном ряду с К. Ивановым, М. Сеспелем, П. Хузангаем, Я. Ухсаем, и он может говорить с ними на равных, ибо в его поэзии – чисто чувашский свободный стих К. Иванова, пламенное слово Сеспеля, лирическое богатство П. Хузангая, язык Земли и Солнца Я. Ухсая. Но В. Митта похож только на самого себя: услышишь хотя бы одну его строчку, скажешь – это Митта. Каждое слово как печать на деньгах – надёжно, к месту, и нельзя сфальшивить.

Удивительное совпадение, эхо исторической параллели. В Древнем Риме жил великий поэт, автор знаменитого «Иерусалима» Торквато Тассо. Взлёт, 17 лет тюрьмы, возвращение лаврового венка поэта. Когда его хоронили – плакал весь Рим. ... В тот июньский день весть о смерти Васyleя Митты распространилась быстротой разрывающей сердце молнии. Люди стекались к родному дому поэта со всех концов Первомайского района и окрестностей. На груди Василия Егоровича – недавно вышедшая его книжка «Кямалтан» (От души) с золотыми буквами, а у изголовья собратья по перу читали стихи.

Нет ничего вечного на этой земле, кроме памяти людской. Вот и В. Митта остался в доброй памяти его сородичей и благодарных читателей.

Я никак не могу представить себе 100-летнего поэта, мне кажется, что поэзия и старость не только несовместимы, но и альтернативны. В. Митта в моей памяти навсегда остался 49-летним. Как передать его взгляд с портрета, который всегда на моём письменном столе? Чуть прищуренные глаза, где светится тоска и надежда на ненапрасность времени.